

ЖАК ЛАКАН: ФИЛОСОФИЯ-СИНТОМ

А. В. Дьяков

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2009 г.

Аннотация: статья представляет собой введение в генеалогию лаканизма, которую автор мыслит как обращение «к самому Лакану». Автор определяет основные проблемные моменты и исследовательские стратегии, позволяющие получить целостный образ Лакана-философа, вписав его в историко-философскую традицию XX в.

Ключевые слова: Жак Лакан, лаканизм, фрейдизм, психоанализ, психоаналитическая культура, бессознательное, психиатрия, синтом.

Abstract: article represents introduction in genealogy of lacanism which the author thinks as the reference «to Lacan himself». Author defines the basic problem moments and the research strategy allowing to receive a complete image of Lacan-philosopher, having entered him in historico-philosophical tradition of XX century.

Key words: Jacques Lacan, lacanism, freidism, psychoanalysis, psychoanalytical culture, unconsciousness, psyhiatry, sinthome.

Во французской философии XX в. школы и течения сменяли друг друга, как картинки «волшебного фонаря». Этот образ — «волшебный фонарь», — использованный Сартром в уничижительном смысле для обозначения структуралистского «уничтожения» истории длительностей, можно применить к французской философии в целом, ведь обращение к длительностям не позволяет ухватить французскую мысль, четко ситуированную в пределах каждого десятилетия. Разумнее прибегнуть к рассмотрению серии статичных картинок: вот предвоенная Франция, увлеченная Гегелем и феноменологией, вот Франция послевоенная, одержимая идеями сталинизма, вот Франция «структуралистская» и т.д. Даже если мы обращаемся к творчеству какого-либо конкретного философа, мы немедленно обнаруживаем, что в нем в каждый момент сочетаются «прежнее» и «иное», не отрицая друг друга, но друг друга конституируя. Нельзя стать «иным», не будучи «прежним»; нельзя оставаться «прежним», не становясь «иным». Статичная картинка «волшебного фонаря», будучи включена в серию, обретает смысл именно наряду с другими, себе подобными и иными; смысл в том и состоит, чтобы отсылать к другим, в ряду которых она остается прежней.

Статичная кинематографическая сцена, в которой крупный план лица остается неизменным на фоне меняющегося заднего плана, сообщает нам гораздо меньше. Волшебство «волшебного фонаря» основано на метафоре: он не симулирует реальность, но *отсылает к ней*. К той

реальности, которая сложится лишь в серии отсылок. При этом мы можем не заботиться о сокрытии механизмов, которые реальность репрезентируют, ведь перед нами реальность не репрезентируемая, но совсем иная — презентная.

Эта реальность, помимо того что позволяет обойти столь болезненные проблемы исторической репрезентации, позволяет своим акторам сосуществовать, со-трудничать и со-беседовать, даже если в той реальности, которую репрезентирует история длительностей, они были едва знакомы. Подобный подход требует честности, состоящей в признании того обстоятельства, что здесь действуют *фигуры* (они действуют и во всякой иной истории, только в этом не любят признаваться). Это не обязательно исторические фигуры (хотя их можно понимать и так) или фигуры выражений. Скорее, речь идет о фигурах мысли, их очертаниях, сложении и формах. Вместе с тем, фигуры эти действуют как персонажи той истории, которая нас интересует, — истории философии.

Вышесказанное отнюдь не означает, что мы намерены заняться статикой фигур. Фигура никогда не есть ставшее, но всегда — становящееся, поэтому имеет смысл изучать лишь ее динамику. Нашим предметом являются длительности, но не единая универсальная длительность. Оставив в стороне ряд длительностей, мы обратимся к структурному их изучению, не гипостазируя структуры и не субстантивируя протяженности. Если кто-то сочтет наш труд структуралистским, нам это будет лестно, хотя сами мы так и не считаем.

Речь пойдет о Лакане. Фигура эта многогранна и противоречива. Вернее даже, существует множество *фигур* Лакана. О каждой из них можно написать отдельную книгу, причем без надежды отыскать самую главную фигуру, по отношению к которой все остальные окажутся лишь ее проекциями. Таков принцип «волшебного фонаря». И тем не менее нам представляется, что за этими множащимися фигурами стоит та, которая задает тон всем остальным, такая, которую, пользуясь выражением самого Лакана, можно было бы назвать *Nom-du-Père*. Эта фигура даже не маячит за всеми другими, она может оказаться любой из них или ни одной из них — по преимуществу. Эта фигура — фигура Лакана-философа.

Такая позиция вызовет (и мы хотим, чтобы вызвала) праведный гнев психоаналитиков: всем известно, что Лакан был психоаналитиком, и его приверженность психоанализу увела его даже из психиатрии. Да и сам он не раз подчеркивал, что никоим образом не считает себя философом. А раз так, то какое право имеет философия на Лакана? Она ведь ничего не может сказать о бессознательном, а если поиск бессознательного, как утверждал Лакан, имеет своим центром вопрос об истине, то и здесь философия не может предложить ничего, кроме более или менее произвольных конструкций, взгромоздившись на которые, она заявляет о своих претензиях судить истину. Все это справедливо, как справедливо и замечание Фрейда: «Я умышленно говорю “в нашем бессознательном”, ибо то, что мы так называем, не со-

впадает с бессознательным у философов» [1, с. 443]. Тем не менее мы беремся утверждать, что единственная возможность *понять* Лакана заключается в том, чтобы понять его как философа. Вернее, как фигуру-философа. Ведь то, что называет бессознательным Лакан, не совпадает с бессознательным у Фрейда, а гораздо ближе к тому, о чем говорят философы*.

Д. Мулинье замечает, что существует три возможных прочтения Лакана: философское, психоаналитическое и, наконец, не-философское и не-психоаналитическое [2, р. 30]. В силу изложенных соображений нам хотелось бы тяготеть к философскому прочтению, поверяя его не-философским, вернее, тем, что Ж. Делез назвал понимающей не-философией, в которой нуждается философия. Конечно, нам не удастся избавиться от Лакана-психоаналитика. Однако мы наотрез отказываемся от такого психоаналитического прочтения, при котором действия героя и его теоретические построения выводятся из эдипального треугольника или оральная стадия и которым, увы, грешит даже такой несравненный знаток лакановского творчества, как Э. Рудинеско. При этом мы постараемся блюсти принцип, высказанный тем же Мулинье: «чтобы изучать Лакана, необходимо не быть ни лаканистом, ни анти-лаканистом» [2, с. 34].

Если мы признаем, что Лакан не был профессиональным философом, нужно заодно признать и то, что он не был профессиональным психоаналитиком, несмотря на то, что хорошо зарабатывал психоанализом. Как пишет Б. Ожильви: «Жак Лакан, французский врач-психиатр, получивший традиционное образование, начал с того, что поставил перед собой серию новых теоретических вопросов, исходя не из психоанализа, но из психиатрии, а равным образом из философии» [3, р. 7]. Фрейдовская теория, к которой он пришел в своих поисках, была для него хотя и важнейшей, но все же одной среди многих. Его положение в психоанализе всегда было маргинальным, как мы намерены показать, именно в силу того, что занимавшая его проблематика и сам способ проблематизации были философскими, а не психоаналитическими.

«Полагать, что люди действительно думают то, что говорят, — одно из самых больших и постоянных заблуждений», — говорил Лакан [4, с. 224]. К нему самому это применимо в высшей степени. Обращаясь к творчеству Лакана, нечего и думать понять его исходя из его текстов, вернее, из того, что он некогда сказал и что теперь стало текстами. Но и свободная интерпретация его учения едва ли приемлема, поскольку несет в себе опасность приписать Лакану то, чего он не говорил. Единственно возможным, если мы хотим получить достоверную картину, оказывается третий путь: следовать за развитием мысли Лакана, предоставив ей самой складываться в причудливую мозаику.

* При этом речь пойдет вовсе не о «философии психоанализа» (Э. Раглэнд-Салливен), но о философии Лакана.

ику. Конечно, стремиться к полному устранению авторской интенции — дело безнадежное. Но вот попытаться, перефразируя Фуко, «дать слово самому Лакану», т.е. написать *генеалогию* его учения, можно. Прологоменами к таковой мы и займемся.

Лакан был практикующим психиатром и психоаналитиком, поэтому, как справедливо замечает Б. Финк, «попытка разделить работу Лакана на теорию (лингвистика, риторика, топология, логика) и практику (клинический психоанализ, техника)... обречена на провал» [5]. «Его творчество декларативно, а не демонстративно» [5, р. 65], Лакан непрерывно предлагает новые формулировки и концепты, «объясняя» старое новым. Однако всякая новая формулировка не составляет системы, Лакан вновь и вновь обещает нам, что мы поймем его, как только прочитаем еще один семинар, но очередной текст отсылает к следующему, и систематичности мысли мы не находим. Сам Лакан признавался: «Я знаю — каждый раз, когда мы расстаемся, вы задаете себе один и тот же вопрос: *Что же он в конце концов хочет сказать?* И вы совершенно правы, потому что так, разумеется, об этих вещах не говорят, и это вам непривычно» [6, с. 397]. Если кто-то сетовал на непонятность излагаемых им идей, он легко соглашался: все это говорится не затем, чтобы понимать, но затем, чтобы этим можно было воспользоваться.

Начиная с семинара 1955—1956 гг. у читателя возникает ощущение, что Лакан уподобился своим пациентам, выдумал свой собственный мир и бесконечно уточняет свои фантазматические объекты. Такое ощущение возникло, кстати, не только у нас, но и у Умберто Эко, который, явно метя в Лакана, писал: «Я привыкал к одержимцам, как психиатр к клинике, психиатр, привязывающийся к пациентам, к старинным деревьям больничного парка. Проходит время, он пишет десятки страниц по бреду, потом начинает писать десятки страниц бреда. Он не ощущает, что большие его переманили. Он думает, что это художественно» [7, с. 416].

Вот почему нам приходится обращаться не к какому-то конечному продукту, но к потоку лакановской речи. Лакан не считал свое учение философским, что, впрочем, не мешает философам искать *систему* лакановской мысли. Этим скользким путем *volens nolens* придется следовать и нам. У психоаналитиков такой подход неизменно вызывает протест. (Тот же Б. Финк пишет: «...Очень трудно убедить ученых и философов в том, что психоаналитические практику и теорию невозможно поверить теми же стандартами, что и их дисциплину, что психоанализ структурирован совершенно иным способом, нежели их область» [5, с. 68]). Однако что же они могут предложить взамен? Практику лаканистского психоанализа? Но ведь прежде нужно выяснить, что такое лаканизм и что такое практика в лакановском понимании, — тогда, быть может, мы получим шанс понять, что, собственно, представляет собой психоанализ Лакана. В противном случае нам останется лишь повторять за ним маловразумительные заклинания.

Таким образом, нам все-таки придется счесть Лакана философом (у философов никаких возражений на этот счет не возникает) и поверять его мысль философией.

Как все великие люди, Лакан стал объектом обширного мифотворчества. По словам М. Боуи, «Лакан — автор, о котором рассказывают истории, могущие стать объектом основательного социологического исследования той силы, которой в “передовой” электронной культуре все еще обладают слухи и фольклор» [8, р. 1]. Этот фольклор способен многое сообщить нам о своеобразной субкультуре психоанализа (что для понимания фигуры Лакана было бы чрезвычайно полезно).

Прежде всего мы обращаемся к первоисточникам, и здесь нас поджидает первая и самая значительная трудность: Лакан был мыслителем сократовского типа, излагавшим свое учение изустно. За исключением диссертации по психиатрии, написание которой было вызвано академическими требованиями, он не написал ни одной книги. Его статьи появлялись по воле обстоятельств, а не в силу внутренней потребности. Однако, несмотря на то, что Лакан на протяжении многих десятилетий всячески противился фиксации своих устных выступлений, сегодня нам приходится иметь дело с поистине необъятной литературой. Прежде всего, 27 его «семинаров», застенографированных и существующих во множестве вариантов. Часть они изданы в редакции Ж.-А. Миллера (только четыре тома вышли при жизни их автора), и поскольку данная редакция, по свидетельству многочисленных слушателей Лакана, была несколько вольной, существует необходимость обращаться к стенограммам некоторых семинаров, особенно поздних, которые получили широкое хождение еще при жизни мэтра, а сегодня, в эпоху цифрового копирования, выплеснулись на просторы сети Интернета. Ж.-А. Миллер, зять Лакана, ставший его душеприказчиком, неоднократно предпринимал судебные преследования пиратских изданий семинаров, многие из которых, тем не менее, зарегистрированы во Французской национальной библиотеке. При работе с этими текстами приходится соблюдать большую осторожность, тщательно выясняя их происхождение. Вышедший в 1966 г. сборник лакановских работ «Écrits» не охватил все написанные к тому времени статьи, поэтому приходится обращаться к огромному количеству текстов, разбросанных по старым журналам. Наконец, сохранились сотни текстов выступлений Лакана на конференциях, симпозиумах и коллоквиумах; они представляют собой замечания в адрес других докладчиков, порой это пара фраз, порой — целые речи. Лакан, как известно, был мастером импровизации. И сегодня, по меткому выражению М. Марини, «мы колеблемся, спрашивая себя, кто написал то, что мы цитируем под именем Лакана» [9, р. 31].

Работа со всем этим громадным корпусом текстов представляет собой тяжелый труд: Лакан редко формулирует свое учение в концентрированной форме, и приходится перерабатывать огромное количество породы (зачастую пустой) ради нескольких крупиц золота. Именно в

силу данных обстоятельств изучение лакановского наследия требует больших усилий, а на выходе рождается сравнительно небольшой исследовательский текст. Больших работ о Лакане не существует, за одним исключением, о котором пойдет речь ниже, но это исключение представляет собой историко-биографический текст.

«История Жака Лакана — это история французской страсти в балзаковском духе», — пишет Э. Рудинеско [10, р. 11]. А история страсти неизменно обрастает обширной комментаторской литературой. Исследовательская литература, посвященная Лакану, чрезвычайно обширна, однако в этом необъятном пространстве стоят особняком тексты Э. Рудинеско, представляющие для нас первостепенную важность. Речь идет о четырех томах, посвященных истории психоанализа во Франции. Первые два охватывают развитие французского психоаналитического движения начиная с 6 мая 1885 г. (даты встречи Фрейда и Шарко) и заканчивая 1985 г. [11; 12]. Третий том посвящен непосредственно Лакану [10], а четвертый рассказывает об истории появления первых трех [13]. Кроме того, последняя книга тетралогии содержит исключительно интересный материал, касающийся хронологии, истории распространения и сравнительного изучения психоанализа в различных регионах мира. Многие другие работы Э. Рудинеско также интересны для изучения истории психоанализа и конкретно учения Лакана [14—17].

«Мало кто из людей проявляли в той же мере, как и он, желание сохранить в тайне, или же в неприкосновенности, ту часть своего существования, что касается его детства или семейных корней», — пишет Э. Рудинеско [12]. Мы мало знаем о его детстве (едва ли несчастливом, несмотря на некоторые едкие замечания самого Лакана) и годах его учебы — к тому времени, когда появилась потребность в биографии Лакана, свидетелей его первых шагов уже не стало. Еще меньше мы знаем о тех пяти годах молчания, за которые он не напечатал ни строчки, что нельзя однозначно списать на тяготы войны — для Лакана это время было отнюдь не таким тяжелым, как для многих других французских интеллектуалов. Сам он постарался стереть все следы своей довоенной деятельности, представ эдаким явившимся ниоткуда самобытным мыслителем. Зато в послевоенные годы и до самой своей смерти Лакан был на виду, и этот, самый продуктивный в творческом отношении, период его биографии, эта осень его жизни, растянувшаяся чуть ли не на полвека, хорошо известна.

Обращаясь к биографии Лакана, мы не можем обойти вопрос о периодизации его творчества. Существующие периодизации используют два основания: одни опираются на эволюцию лакановской мысли, другие — на смену возглавляемых Лаканом коалиций. Так, М. Боуи выделяет пять фаз лакановской эволюции: 1) учение о *стадии зеркала*; 2) поворот к сосюрговской лингвистике и Гегелю; 3) учение о трех регистрах; 4) учение о патернальном означающем; 5) создание универсальной теории. Однако такая периодизация мало что сообщает о

хронологическом развитии мысли Лакана, представляя собой, скорее, тематическую рубрикацию его творчества.

Д. Мулинье, рассматривая лакановскую мысль как по преимуществу учение о субъекте, предлагает более любопытную схему ее эволюции, фиксирующую ориентацию на те или иные философские концепции: 1) учение об интерсубъективности и субъекте желания (1930—1940-е гг.: Гегель, Кожев и Батай); 2) учение о субъекте речи и *parlêtre* (1950-е гг.: Хайдеггер); 3) учение о субъекте означающего и субъекте бессознательного (1960-е гг.: Декарт); 4) учение о субъекте симптома (1970-е гг.: Платон и Аристотель).

Еще интереснее подход Ж.-П. Жильсона [18, р. 11], который вместо периодизации лакановского творчества предлагает его «топологию»: 1) прелиминарии; 2) структура желания; 3) учение о пользовании; 4) сублимация симптома. Опора на хронологию здесь, впрочем, сохраняется. Мы не видим необходимости следовать какой-либо из указанных периодизаций, предпочитая не помещать творчество Лакана в строгие схемы.

От Лакана и не приходится требовать строгой систематичности, ибо его мышление носит практический, можно даже сказать, прикладной характер. Как сам он говорил, «есть проблемы, которые нужно иметь решимость бросить нерешенными» [19, с. 70]. Его язык весьма сложен и перенасыщен аллюзиями и скрытыми отсылками ко всевозможным литературным источникам. Кроме того, от сюрреалистов (а может быть, и от своих пациентов) он унаследовал манеру играть созвучиями. Метонимия — не просто означающая функция языка, но и орудие анализа. Так, в «Инстанции буквы» речь идет одновременно о «букве, бытии и другом» (*la lettre, l'être et l'autre*). Со временем эта склонность к языковым играм растет и приводит к тому, что М. Боуи назвал «полу-теоретической магией» (*semi-theoretical incantation*). Стиль Лакана складывался из множества разнородных элементов: почерпнутая у иезуитов казуистика, проповеднический стиль латинских христианских авторов, сюрреалистическая бредовость, тяжеловесный стиль немецкой философии и поэтическая легкость языка Малларме. Кроме того, в его языке присутствовало еще и то, что Р. Уэбб и М. Селлс называют «мистическим апофазисом» [20, р. 196]. (Авторы склонны понимать лакановский «мистицизм» буквально, проводя параллели с Плотиним, Эриугеной, Ибн Араби и Экхартом.) Лакан ищет истину субъекта, но высказывать эту истину — значит говорить от имени этого субъекта, т.е. истину ему навязывать. Поэтому саму истину он предпочитает умалчивать.

«Все знают, что я весел, даже шаловлив: я развлекаюсь, — говорил Лакан. — В своих текстах мне случается постоянно предаваться шуткам, которые не во вкусе преподавателей университета» [21, р. 145]. Действительно, у Лакана был весьма своеобразный стиль, вызывающий законное раздражение университетских преподавателей. Например, Д. Мэйси назвал тексты Лакана «сущей провокацией или обскурантизм-

мом» [22, р. 8], а В. Мейснер предупреждает, что «чересчур близкий контакт [с его идеями] чреват заражением смертельным вирусом» [23, р. 445]. Деррида заметил, что «“стиль” Лакана как нельзя более подходил к тому, чтобы долгое время затруднять любой доступ к какому-либо очерчиваемому содержанию, к какому-либо однозначному смыслу, который бы можно было уловить по ту сторону написанного» [24, с. 659]. Наконец, даже ученик Лакана С. Бенвенуто признает: «Нет ничего удивительного в том, что Лакан выводил из себя многих своих коллег, ведь под маской респектабельного психоаналитика он обнаружил эпистемологического канатоходца. Его шутовской стиль, эксцентричность, проводимые с дадаистским юмором смехотворные сеансы скандальны и по сей день, поскольку самым ярким образом обнаруживают невозможную позицию фрейдовского дискурса, навеки зависшую между подозрениями в жульничестве и харизмой туманных откровений» [25, с. 57]. Есть нечто комическое в том, что Лакан, всегда ратовавший за ясность и понимание, сам оказывается столь темным автором, да еще открыто заявляет, что практикуемый им психоанализ — это мошенничество.

Начитанность и колоссальная эрудиция Лакана неизменно поражали тех, кто сталкивался с ним. А сам он скромно замечал: «в чтении я себе не отказываю» [6, с. 118]. Впрочем, считать самого Лакана литератором было бы преувеличением. Как справедливо замечает Э. Рудинеско, «Лакан не интересуется ни литературой как таковой, ни писателями, которых он хотел бы сделать своими сторонниками. Он мыслит как философ, логик и глава школы, и если его перо — перо писателя, он всегда пользуется литературными произведениями для того, чтобы показать обоснованность своего учения. Они нужны ему в качестве орнамента» [12, р. 532]. Тем не менее, Лакан признавал, что его «*Écrits*» — «это литература, поскольку это написано и продается» [26, р. 34].

Еще одной важной особенностью этой «литературы» является обилие графических схем и рисунков, с которых Лакан начинал едва ли не каждое свое выступление. К этим графемам можно относиться по-разному. Многие слушатели семинаров утверждали, что это чуть ли не единственная возможность следовать за мыслью Лакана. Другие же считают их необязательными. Так, М. Марини пишет: «...Я не уверена, что топология сама по себе может считаться решающим вкладом в психоанализ. Так же и психоанализ ничего не решает для топологии. Думаю, скорее стоит вести речь об интеллектуальной потребности подкрепить одну дисциплину другой, заставить их коммуницировать, ввести их в более широкое поле знания» [27, р. 77]. Сам Лакан тоже колебался в этом вопросе: то он признавал, что речь идет о простой аналогии, то утверждал, что только графемы придают строгость психоанализу. Нам представляется разумным занять некую среднюю позицию, обращаясь к лакановским «графам» там, где это необходимо, но

не пытаясь рабски воспроизвести весь геометрический мир, который Лакан вычертил на десятках классных досок и салфеток из ресторанов.

Лакан всегда нес с собой опасность ереси и раскола. «Он был ученым и “шаманом”, поэтом и математиком, актером и философом, — пишет Н. С. Автономова. — В нем сосуществовали, но постоянно спорили между собой разные люди, один из которых вел семинар, публиковал свои работы, сначала устно произносившиеся... создавал школу и строил здание концепции, напоминавшей своей величественной бессистемностью индийский храм, а другой отличался страстью к эпатированию, шокингу, которую не всегда могли объяснить даже преданные ученики, — это приводило к ситуации перманентного раскола французский психоанализ, а его самого — к одиночеству». Лакан стал ключевой фигурой в длительном процессе отделения французского психоанализа от Международной психоаналитической ассоциации. Он никого не изгонял; напротив, обычно изгоняли его. Однако эти изгнания неизменно кончались тем, что он уводил с собой наиболее творческую часть французских аналитиков. Те, кто его отлучал, могли сколько угодно утверждать, что очистили свои ряды, избавившись от паршивой овцы, но у Лакана были все основания утверждать, что в его фигуре и заключен французский психоанализ, доказательством этого стал небывалый взлет популярности одного в конце 1960-х гг. и его быстрый закат после смерти Лакана. Каждый новый раскол, спровоцированный Лаканом, имел своим результатом формирование новой институции, представлявшей очередную версию лаканизма. Поражает то обстоятельство, что все эти лаканизмы существуют по сей день и имеют многочисленных приверженцев.

Истории лаканизма в России на настоящий день не существует. Едва ли можно рассчитывать на то, что такой труд появится в обозримом будущем — в рамках одной работы невозможно обозреть все стороны столь многообразного феномена. В конце концов, на Западе давно уже стали нормой капитальные исследования, анализирующие творчество Лакана в свете картезианства, феноменологии или гегельянства.

Сегодня Лакан по-прежнему остается спорной фигурой. Ортодоксальные фрейдисты считают, что он совершенно переиначил венское учение, и с ними трудно не согласиться. Однако не прекращаются споры и между лаканистами разных мастей, *анти-лаканистами* и *экс-лаканистами*, причем диапазон мнений и оценок простирается от восторженного приятия до ненависти. Одни считают его великим гуру, другие — шаманом, третьи — фантазером. Критика лаканизма сводится к трем основным моментам: 1) практика Лакана — извращение психоанализа; 2) его теория отказывается от фундаментальных аспектов фрейдизма, необходимых для успешной практики, в пользу речевой и логико-математической концепций бессознательного; 3) практика лаканизма носит разрушительный характер, пагубно сказываясь на анализантах [9, р. 11].

Так или иначе, есть своя истина в словах С. Шнейдермана, который заявляет, что «могила Лакана пуста», поскольку он «не оплакан как должно», ведь оплакать — значит признать, а Лакан всегда страдал от недостатка признания [29, р. 8]. Причин тому много, но самая главная, пожалуй, заключается в том, что Лакан не был респектабелен: психоанализ представлялся ему не престижной профессией, но революционной деятельностью. Отсюда его вечная роль еретика и отступника по отношению к Международной психоаналитической ассоциации. Есть и другие причины. Так, Ф. Соллерс считал, что он стал жертвой матриархата. Действительно, Лакан немало пострадал от женщин, задававших тон политике психоаналитического сообщества. Однако, не настроив он против себя принцессу Мари Бонапарт и Анну Фрейд, едва ли он стал бы лидером Международной психоаналитической ассоциации: психоаналитики нуждались не в вожде, а в учении, и американская адаптивная доктрина в своей простоте устраивала их куда больше, чем темные речи Лакана. Кроме того, Лакан, в отличие от подавляющего большинства психоаналитиков, был не восточноевропейским евреем, а французом, с молоком матери впитавшим католическую культуру. Очевидно, именно из-за этого его учение стало популярно в Италии и в Южной Америке, оставив равнодушными северные страны.

Э. Раглэнд-Салливен назвала Лакана самым значительным мыслителем Франции со времен Декарта и самым оригинальным мыслителем Европы после Ницше и Фрейда [30]. Если со вторым следует немедленно согласиться, то первое вызывает некоторые сомнения. В самом деле, в отношении оригинальности и остроты мысли ему не было равных не только во Франции, но и во всей Европе. Влияние Лакана во второй половине XX в. было огромным, но не всеобщим. У него находилось столько же критиков, сколько и горячих приверженцев. Его критиковали и справа, и слева. Даже во Франции лаканизм не стал общепринятой психоаналитической нормой. Ортодоксальные психоаналитики по-прежнему предпочитают дискурс «мама-папа-Эдип», отпуская, подобно герою Варгаса Льосы, «шутки в адрес Лакана и причудливых комбинаций из структурализма и Фрейда» [31, с. 400].

Мы уже говорили о своем ожидании/опасении гнева со стороны психоаналитиков. Чувство это сложное, ибо в нем смешиваются вызов и самонадеянность. В самом деле, автор заявляет, что готов к тому, что означенные психоаналитики его труд отвергнут, а значит, все-таки рассчитывает на то, что они станут его читать. Однако реальным анализам едва ли может до него быть дело: во-первых, потому, что работа эта носит сугубо теоретический характер, а во-вторых, потому, что реальных, а не воображаемых психоаналитиков в России не водится. Стало быть, и говорить не о чем. Однако автор испытывает потребность объясниться именно с воображаемыми аналитиками. Прежде всего, у него нет намерения нападать на фрейдовский психоанализ — за последнее столетие его столько хвалили и ругали, опровергали, высмеивали и принимали, что он давно уже ни в чем этом не нуж-

дается. Если же такое намерение есть, психоаналитики легко могут списать его на счет Эдипова комплекса авторской фигуры. Объяснить нужно другое — почему автор настаивает на том, что Лакан был философом. Ответить на этот вопрос, казалось бы, не так уж трудно: во-первых, потому, что он им действительно был; во-вторых, потому, что его идеи восприняли не клиницисты, а именно философы; в третьих, потому, что его учение немыслимо без философских концептов. Однако за всем этим остается некоторая недосказанность, а сами аргументы носят косвенный характер. Прежде всего, почему сам Лакан считал себя психоаналитиком и почему он не стал университетским философом? Далее, могло ли его учение сформироваться в университетских аудиториях? И наконец, можно ли заниматься философией так, как это делал Лакан? Опасные вопросы. Того гляди, философы тоже подвергнут наш тезис сомнению. И здесь автору не удастся вывернуться так же просто.

В начале 1990-х гг. социолог психоанализа Ш. Таркль пытался пророчествовать о том пути, каким двинется новая российская демократия. «Фрейд, — писал он, — один из многих символов демократизации, свободного выражения и роста нового индивидуализма в личной и экономической жизни. Советская ситуация интригует, потому что является зеркальным отражением происходящего в Великобритании... Упрощая, можно сказать, что в Великобритании есть психоаналитическое движение, но нет психоаналитической культуры, тогда как в Советском Союзе нет никакого психоаналитического движения, но есть предварительные условия для психоаналитической культуры» [32]. Таркль отмечал, что главным соперником психоанализа в перестроечной России выступает Русская православная церковь, однако полагал, что у православия меньше шансов стать идеологией обновления, поскольку оно консервативно и обращено в прошлое. Время показало, что американский исследователь ошибся. Однако мы не считаем, что по этому поводу стоит сокрушаться.

Психоанализ стал мощной идеологией обновления политического дискурса в одной конкретной ситуации — в ситуации «майской революции» 1968 г. во Франции; тогда как в прочих случаях он показывал себя не менее репрессивным и тоталитарным, чем организованные религии.

Что же касается психоаналитической культуры, то едва ли для нее вообще есть место в России. Действительно, нам приходилось встречать людей, которые пытались практиковать психоанализ в те самые времена, когда на него был наложен негласный запрет. Но сегодня невозможно судить о степени успешности таких опытов, скорее, это имело ценность само по себе, как смелый жест, независимо от терапевтической эффективности. В начале 1990-х гг. массовыми тиражами вышли старые переводы ранних работ Фрейда, и раскупали их с большим энтузиазмом. В результате фрейдизм был принят отечественными гуманитариями, хотя, кажется, без особого восторга. Во всяком

случае, Фрейд стали читать. Но может ли это свидетельствовать о подготовке почвы для возникновения психоаналитической культуры? Едва ли. Активного принятия психоанализа деятелями культуры, как-ковое имело место во Франции в первой трети XX в., у нас не произошло.

В то же время, психоанализ давно стал естественной частью западной психологии, а после начала реформ в России литература по психологии стала у нас весьма популярна. Однако российская психология, не поднимающаяся выше уровня «что-вы-сейчас-чувствуете-давайте-об-этом-поговорим», очевидно, не способна породить психоаналитическую культуру. Да у нее и нет такого намерения. Многие российские психиатры, как прежде, так и теперь, используют в своей клинической практике психоаналитические приемы. Однако и из этой области никакой психоаналитической культуры выйти не может. Во-первых, в России никогда не было и нет того пристального внимания к психиатрии со стороны гуманитариев, которое в Европе проявляется чуть ли не со времен Декарта. Во-вторых, статус психоанализа как клинической практики у нас остается неопределенным (в этом отношении российская ситуация мало отличается от французской).

Но есть, в конце концов, институализованный российский психоанализ со своими учебными заведениями, дипломами и практикой. Конечно, новоиспеченным российским психоаналитикам, лишенным возможности получить многолетнюю дидактическую подготовку (а ведь психоанализ традиционно считает ее совершенно необходимой!) или основательное теоретическое образование, приходится заниматься самообразованием. Конечно, они не слишком отличаются от тех советских интеллигентов, которые пытались «практиковать психоанализ», начитавшись работ Фрейда, уцелевших в частных библиотеках или в библиотечных спецхранах. Тем не менее, коль скоро существуют учреждения вроде Восточно-европейского института психоанализа, психоаналитики могут чувствовать под ногами более твердую, чем прежде, почву. Но довольно ли этого для появления психоаналитической культуры? Отнюдь.

Во Франции ситуация иная. Психоанализ там изначально стал уделом высокообразованных интеллектуалов, воспринимавших его как философское учение о человеке, позволяющее избавиться от голых схем рационализма. От него многого ждали, и к нему предъявляли высокие требования. Психоанализ не мог стать интеллектуальной модой во Франции до тех пор, пока сам он не превратится в философию. Практикуемый восточноевропейскими евреями и их учениками фрейдистский анализ со своим непоследовательным позитивизмом здесь мало кого мог удовлетворить. Фигура Фрейда-Nervenarzt'a не годилась французским интеллектуалам, им была нужна фигура аналитика-философа.

Лакан уже в 1930-х гг. претендовал на роль психоаналитического мессии, однако в то время ему еще нечего было предложить французам. Его никто не желал знать, пока он был талантливым адептом

венского учения; его признали, когда он порвал с ортодоксальным фрейдизмом и предложил философскую версию психоанализа.

Несмотря на всю философичность, это был именно психоанализ, уже готовый оторваться от кушеток и кресел, однако по-прежнему требующий *переноса*. Эта доктрина была способна обосновать в кантовском духе свои теорию и практику, но в ней оставалась некая подрывная мощь, не позволявшая ей поместиться в стенах университетов. В этом были ее сила и ее слабость. С одной стороны, лакановское учение, оказавшись в нужное время в нужном месте, могло претендовать на роль революционной теории и революционизирующей практики, с другой — не поддавалось полной формализации, неся в себе вечно ускользающий номадический элемент. «Нужно сказать, что эта парадоксальная инстанция никогда не бывает там, где мы ее ищем, — писал Делез. — И, наоборот, мы никогда не находим ее там, где она есть. Как говорит Лакан, *ей не достаёт своего места*» [33, с. 65]. Прошли революционные грозы — и революционные теории стали представляться эдаким реликтом 68-го, забавным, но ненужным. Лакан утверждал: «Революция — это я». По-видимому, так оно и было. Лакановский психоанализ — это и есть Лакан. Умер Лакан — и его школа рассыпалась на враждующие группки.

Конечно, здесь можно усмотреть параллели с судьбой основателя психоанализа и его «дикой орды». Как и Фрейд, Лакан был единственным основателем учения, так же страдал от расколов, но, в отличие от Фрейда, не испытывал потребности бороться с «ересями». Предельно формализовав свою доктрину, Лакан оставлял своим ученикам полную свободу в отношении практики. С ортодоксальным фрейдистским психоанализом произошло обратное. Поэтому, если после смерти Фрейда скрупулезно исполняемая практика распространилась по всему миру, то о лакановской практике, несмотря на возникновение лаканистских школ во всех частях света, едва ли приходится говорить. Лаканизм сегодня существует, скорее, в роли критической теории и гуманитарной доктрины. Лаканизм — не «школа» с постоянным членством, но, скорее, теоретическое течение.

Психоанализ изначально тяготел к универсализму: уже Фрейд стремился применять свое учение к исследованию религии и культуры в целом. Лакан предложил теорию, в большей мере пригодную для гуманитарных исследований, открыв путь психоаналитического исследования культуры, не сводящегося ни к психобиографии, ни к упрощенной невротической схеме. Поэтому сегодня лакановское учение успешно применяется в политологических и культурологических исследованиях. Ярчайшим примером тому служит деятельность Люблянской школы лаканизма и особенно С. Жижека — лаканиста, приобретшего большую популярность в англоязычных странах [34].

Все это свидетельствует о философской значимости Лакана. Но философом он был в некотором ином смысле, нежели те, чья принадлежность к философскому цеху не вызывает у нас сомнений. Он был

философом в отношении того знания, с которым он имел дело. В самой его фигуре присутствовало то, что составляло философию его времени. Как сказал Ясперс, «философ — человек, который всегда готов отвечать всей своей личностью, вводить всю ее в действие, если он вообще где-либо действует» [35, с. 556]. Лакан действовал именно своей личностью, и фигуру этого действия, фигуру Лакана-философа, мы попытались обрисовать.

Эта фигура никогда не находила для себя места ни в университетских стенах, ни между креслом и кушеткой. Она кочевала с одной позиции на другую, так что ни в какой момент времени ее нигде нельзя застать «целиком».

Можно задаться и еще одним вопросом: что именно оставил нам Лакан? Не практику, ибо практиковать фигуру Лакана (а ведь именно к этому сводится лакановская психоаналитическая практика) мог лишь сам Лакан. Не школу, ибо школа его не пережила. Не теорию, поскольку его учение о субъекте бессознательного не является теорией в традиционном значении этого слова. Не философию, ибо философией, каковой мы ее привыкли воспринимать, он не занимался.

Нам остается его голос, запечатленный в десятках записей, многие сотни стенограмм, узелки... Но остается и нечто куда более важное: фигура Лакана-философа, его философия-синтом.

Литература

1. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд. — М. : Современные проблемы, 1913.
2. *Moulinier D.* De la psychanalyse à la non-philosophie. Lacan et Laruelle / D. Moulinier. — Paris : Kimé, 1999.
3. *Ogilvie B.* Lacan. La formation du concept de sujet (1932—1949) / B. Ogilvie. — Paris : PUF, 1993.
4. Лакан Ж. Семинары. — Кн. I : Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/1954) / Ж. Лакан ; пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). — М. : Гнозис ; Логос, 1998.
5. *Fink B.* Lacan to the Letter. Reading *Écrits* Closely / B. Fink. — Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2004.
6. Лакан Ж. Семинары. — Кн. 5 : Образования бессознательного (1957/1958) / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. Черноглазова. — М.: Гнозис ; Логос, 2002.
7. Эко У. Маятник Фуко : пер. Е. Костюкович / У. Эко. — СПб. : Symposium, 2006.
8. *Bowie M.* Lacan / M. Bowie. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1991.
9. *Marini M.* Jacques Lacan / M. Marini. — Paris : Pierre Belfond, 1986.
10. *Roudinesco E.* Jacques Lacan. Esquisse d'une vie, histoire d'un système de pensée / E. Roudinesco. — Paris : Fayard, 1993.
11. *Roudinesco E.* La Bataille de cent ans. Histoire de la psychanalyse en France. — Т. 1 : 1885—1939 / E. Roudinesco. — Paris : Ramsay, 1982.
12. *Roudinesco E.* La Bataille de cent ans. Histoire de la psychanalyse en France. — Т. 2 : 1925—1985 / E. Roudinesco. — Paris : Seuil, 1986.
13. *Roudinesco E.* Généalogies / E. Roudinesco. — Paris : Fayard, 1994.

14. *Roudinesco E.* Un discours au reel / E. Roudinesco. — Paris : Mame, 1973.
15. *Roudinesco E.* L'Inconscient et ses lettres / E. Roudinesco. — Paris : Mame, 1975.
16. *Roudinesco E.* Pour une politique de la psychanalyse / E. Roudinesco. — Paris : Maspero, 1977.
17. *Roudinesco E.* La Psychanalyse mère et chienne en collaboration avec Henry Deluy / E. Roudinesco. — Paris : UGE, 1979.
18. *Gilson J.-P.* La topologie de Lacan / J.-P. Gilson. — Montréal : Balzac, 1994.
19. *Лакан Ж.* Семинары. — Кн. 2 : «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) : пер. А. Черноглазова / Ж. Лакан. — М. : Гнозис ; Логос, 1999.
20. *Webb R., Sells M.* Lacan and Bion : Psychoanalysis and the Mystical Language of «Unsayings» // Theory and Psychology. — 1995. — Vol. 5, № 2.
21. *Lacan J.* Discours de clôture des journées sur les psychoses / J. Lacan // Recherches. — 1967.
22. *Macey D.* Lacan in Contexts / D. Macey. — London : Verso, 1988.
23. *Meissner W. W.* Book review / W. W. Meissner // Thought. — 1988. — № 63.
24. *Деррида Ж.* О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только : пер. А. Г. Михалкович / Ж. Деррида. — Минск : Современный литератор, 1999.
25. *Бенвенуто С.* Мечта Лакана : пер. М. Колопотина, В. Мазина, Н. Харченко / С. Бенвенуто. — СПб. : Алетейя, 2006.
26. *Lacan J.* Yale university. Entretien avec des etudiants / J. Lacan // Scilicet. — 1975. — № 6/7.
27. *Marini M.* Jacques Lacan / M. Marini. — Paris : Pierre Belfond, 1986.
28. *Автономова Н. С.* Лакан: возрождение или конец психоанализа? / Н. С. Автономова // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Т. 4 / под ред. А. С. Прангишвили. — Тбилиси, 1978.
29. *Schneiderman S.* Jacques Lacan. The Death of an Intellectual Hero / S. Schneiderman. — Cambridge (Mass.) ; London : Harvard University Press, 1983.
30. *Ragland-Sullivan E.* Jacques Lacan and the Philosophy of Psychoanalysis / E. Ragland-Sullivan. — Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1986.
31. *Варгас Льюса М.* Похождения скверной девчонки : пер. Н. Богомоловой / М. Варгас Льюса. — М. : Иностранка, 2007.
32. *Turkle Sh.* Psychoanalytic Politics. Jacques Lacan and Freud's French Revolution / Sh. Turkle. — New York ; London : The Guilford Press, 1992.
33. *Делез Ж.* Логика смысла : пер. Я. И. Свирского / Ж. Делез. — М. : Раритет; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
34. То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / под ред. С. Жижека. — М. : Логос, 2004.
35. *Ясперс К.* Речь памяти Макса Вебера : пер. М. И. Левиной / К. Ясперс // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М. : Юристъ, 1994.